

Д. Л. Выслоужилова

УБИЙСТВО ИЦХАКА МИХЕЛЕВИЧА В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ НАЧАЛА XVII ВЕКА

В январе 1605 года жители села Жировичи¹ достали из реки Щары «на смерть забитое и окрутне замордоване» [Спрогис (сост.), 1901, с. 62], тело арендатора местного двора, хомского² еврея Ицхака Михелевича. В убийстве был обвинен и осужден Иван Иванович Солтан³, обедневший шляхтич, принужденный из-за нехватки денежных средств сдать в аренду половину своего недвижимого имущества вышеупомянутому еврею Михелевичу. Убийство состоятельного рентера Жировичей является классическим образцом периода преследования влиятельных евреев в Великом княжестве Литовском. Начало этого процесса фиксируется в конце XVI века и заканчивается «самым горьким» событием – разгромом Виленской синагоги в 1635 году [Спрогис (сост.), 1901, с. 28]. С конца XVI века на Слонимщине наблюдается рост количества насильственных действий против евреев⁴. Однако нападения с последующим летальным исходом считались исключительным явлением, и нельзя таким образом говорить о систематической ликвидации местного еврейского населения⁵.

Конфликт Солтана с Михелевичем известен историкам с конца XVIII века, когда жизнь предков Ивана Ивановича впервые тщательно изучил И. Стебельский. Начиная с его произведений, прослеживается историографическая тенденция рисовать Солтана как «пана со склоном к схизме и ереси, который довел Жировичский монастырь до тяжелого упадка и сам обогащался из церковных доходов в ущерб монахов и бедных» [Stebelski, 1781, р. 391]. Стебельский показал, что Солтан лишился своего имущества в начале XVII века из-за убийства еврея, однако подробно не уточнил причины этого преступления. В конце XIX века внес новизну в исследование Д. И. Иловайский, заявив, что конфликт Солтана представляет собой «большое дело» [Иловайский, 1894, с. 368], которое служит доказательством конфессиональных столкновений на территории Речи

¹ Жировичи в изучаемый период входили в состав Слонимского повета Великого княжества Литовского.

² Город Хомск Пинского повета Великого княжества Литовского.

³ В некоторых трудах XIX века и в современной польской историографии встречается форма написания имени Солтана как Ян или Ян Иванович. В соответствии с первоисточником, в данной статье используется форма Иван Иванович. Аналогично, личное имя Мелешко, известное из некоторых русскоязычных трудов как Иван, приводится в оригинальной форме Ян.

⁴ Судебные документы за период с 1560 года по 1646 год содержат информацию о порядка 80 случаях нанесений побоев или материального ущерба евреям.

⁵ Всего мы встречаем два случая убийства евреев. Кроме исследованного дела Ицхака Михелевича источники описывают насильную смерть Ильи Шмойловича в марте 1606 года Убийца, крестьянин Грышка Жданович, был, как и Иван Солтан, приговорен к смертной казни.

Посполитой. Иловайский также первым заметил, что между Солтаном и Михелевичами появились споры еще до момента смерти Ицхака [Иловайский, 1894, с. 368], но, к сожалению, исследователь не стал развивать эту тему в своем труде, поместив интересную мысль в тексте примечаний. Из-за этого его заметки ускользнули из внимания других историков. Среди исследований первой половины XX века особое место занимает обширная статья П. Н. Жуковича, посвященная истории чудотворной иконы в Жировичах [Жукович, 1912, с. 175–245]. Жукович провел анализ документов слонимского суда, в отличие от Стебельского учитывал и подвергал анализу сведения обеих сторон процесса. В своем заключении Жукович все же приписал вину Солтану, но обратил внимание на неупомянутый до тех пор факт, что на суд явился другой человек, объявивший себя убийцей [Жукович, 1912, с. 219–221]. После выхода труда Жуковича в историографии начала преобладать линия, установленная Стебельским: стремление показать Солтана как еретика и нравственно павшего человека. Вместе с тем последователи данной традиции, как правило, не рассматривали обстоятельства смерти арендатора Жировичей, ограничиваясь апелляцией к описанию судебного дела: Солтан без веской причины «мощно кгвалтомъ напал» [Спрогис (сост.), 1901, с. 61], на фольварк Михелевичей и сурово расправился с его жителями. В литературе XX века данную трактовку транслирует Д. И. Лазарева, скромно заметившая, что «Иван Солтан заключил договор об аренде с евреем, но вскоре его убил и все родовые владения Солтан в Жировичах пришлось наследникам убитого» [Лазарева, 1996, с. 8]. Из современных историков таким же образом действует М. Тетер, согласно которой «Солтан напал на фольварк, сданный ранее в аренду Михелевичу и его жене Эстер, убил Ицхака и его тело бросил в реку» [Teter, 2005, p. 35]. Какие были поводы, заставившие Солтана расправиться с Михелевичем, Тетер далее не приводит. Историк П. Хомик описывает Солтана как «человека, не заботившегося о своем очаге православной веры, которому пришлось отдать Жировичи Эстер Михелевич после убийства ее мужа» [Chomik, 2003, p. 63]. Подробный взгляд на ситуацию здесь также отсутствует. Среди историков похожую точку зрения занимает еще А. М. Шпирт, отметивший, что «Иван Солтан вместе со своими подданными напал на своего арендатора Ицхака Михелевича, убил его и ограбил дом» [Шпирт, 2018, с. 98]. Действия до момента убийства в работе Шпирта также не перечислены. Инновационный подход предлагает А. Миронович: в его многочисленных трудах главным пострадавшим является не убитый еврей, а наоборот Иван Солтан, ставший жертвой интриг главы судебной коллегии Яна Мелешко [Mironowicz, 2021a, p. 383; Mironowicz, 2021b, p. 86; Mironowicz, 2022, p. 285].

В рамках данной статьи нам бы хотелось обратить внимание на факт, намеченный Иловайским, что спор Солтана длился несколько лет и нападению на двор предшествовали напряженные отношения. Изучив историю возникновения конфликта, мы можем приблизиться к пониманию природы этого столкновения: был ли причиной убийства растущий антисемитизм или имело место нечто иное, что заставило Солтана жестоко разделаться со своим арендатором. На наш взгляд, особый интерес вызывает также теория заговора против Солтана и вопрос вмешательства Яна Мелешко в судебное дело, отмеченный впервые А. Мироновичем. Миронович, с одной стороны, очень верно заметил, что глава суда мог иметь собственные мотивы, почему ему было

выгодно осудить Солтана. С другой стороны, историк настолько сильно пытался доказать невиновность шляхтича, ставшего жертвой действий Мелешко, что в его произведениях теряется неоспоримый факт: Иван Солтан действительно убил Михелевича и нарушил все договоры об аренде жировичского фольварка. В связи с теорией Мироновича о сговоре мы считаем возможным ее доразвить и далее представить гипотезу о трехстороннем характере конфликта, в котором помимо обвиненного Ивана Солтана и семьи пострадавшего Ицхака Михелевича участвовал и влиятельный представитель местной власти, каштелян мстиславский Ян Элиас Мелешко. Рассматривая последствия дела Солтана, видим, что имущество осужденного, в том числе Жировичский монастырь, главный литовский трибунал в сентябре 1605 года отдал вдове Михелевича Эстер, и их сыну Михелю. Однако уже в августе 1606 года был подписан новый договор между Мелешко и Михелевичами, в результате которого первый упомянутый стал владельцем Жировичей, куда в скором времени под влиянием униатского церковного деятеля Йозафата Кунцевича пригласил базилианских монахов. В данном случае немаловажно понимать, что Жировичи – один из крупнейших центров марианского культа в Белоруссии и очаг православной веры, где хранилась чудотворная икона Жировичской Божией Матери, таким образом перешел в руки униатов. Смена церковной власти, которая произошла относительно скоро после завершения судебного разбирательства с Солтаном, заставляет задуматься над сущностью конфликта. Важность установления его сути еще усиливается тем, что самые ранние источники об истории Жировичского монастыря в момент перехода под контроль униатской церкви пропускали. Первое сочинение издал на польском языке базилиан Теодозий Боровик в 1622 году, когда следы убийства Михелевича еще оставались в памяти местных жителей [Borowik, 1622]. Несмотря на недолгий пробел, автор не упоминает Солтана и умалчивает о целом эпизоде *translatio ecclesiae*. Можно ли пропуск истории с Михелевичем рассматривать как продолжение заговора Мелешко, т. к. именно он финансировал издание книги Боровика и вполне мог повлиять на ее содержание? Последователи, изучающие прошлое монастыря в XVII–XVIII веках [Kojalowicz, 1650; Jętkiewicz, 1730; Kulczyński, 1732], соблюдали намеченную концепцию Боровика и также не обращали внимание на факт убийства Михелевича и начинали повествование с момента перехода Жировичей к Кунцевичу. Выяснив мотивы и желания всех сторон, нам бы хотелось установить, является ли процесс над Солтаном в первую очередь личным столкновением нескольких лиц, стремящихся улучшить собственное положение, или мы имеем дело с более широкой проблемой, отражающей политические и религиозные тенденции того времени, а именно последствия Брестской церковной унии 1596 года, в результате которой православная церковь уступила свои позиции в Речи Посполитой и лишилась большинства монастырей и храмов.

Начальная фаза религиозной истории Жировичей, связанная с явлением чудотворной иконы перед детьми–пастухами, неоднократно становилась объектом исследования историков, в одинаковой степени рассматривался и вопрос приобретения селения родом Солтанов [Бубнов, 2018, с. 73–97; Бубнов, 2021, с. 47–60]. Противоречивость сведений источников не позволяет выяснить, когда именно Солтаны завладели Жировичами, следуя общепринятому консенсусу можно заявить, что в

конце XV века Солтан Александрович на основе королевского декрета приобрел имение Жировичи⁶. Потомок основателя династии и участник судебного процесса 1605 года Иван Иванович получил в последней четверти XVI века как один из младших сыновей после смерти отца в имение Несвиж, Жировичи между собой поделили его старшие братья Давид и Ярослав. В 1587 году Ярослав Солтан продал «дворъ Жировицкии зо всимъ его будованьемъ, тактежь у зъ половиною монастыра Цервки Жировицкое с накладомъ церковнымъ, также поддаными монастырскими»⁷ брату Ивану. 8 января 1603 года Иван Солтан вместе с женой Кристиной Станиславовной сдали в аренду «именье свое Жировицы, зов сими пожитками за певную и готовую суму пенезей, за дванадцать копъ грошей литовскихъ на чотыры годы зупольные» [Спрогис (сост.), 1901, с. 65], Ицхаку Михелевичу, «фактору товаровъ лесныхъ именья Жаберского и жыду места Хомского» [Спрогис (сост.), 1901, с. 61]. Солтан с супругой также согласились в течение четырех лет «ничымъ, а никоторымъ способомъ у тое именье сами черезъ себе, слугъ, боярь и подданныхъ своихъ не вступовать, переказы ниякое не чинить» [Спрогис (сост.), 1901, с. 66].

После заключения договора с Михелевичем семья Ивана Ивановича осталась в Жировичах, переселившись в часть, принадлежавшую Давиду Солтану. С этого момента начинается длительный конфликт между Иваном и представителями местной еврейской общины. Книга Слонимского гродского суда сообщает о жалобе еврея Моисея Лазаревича с 27 мая 1603 года, на пострадавшего Лазаревича напал крестьянин Солтана по имени Опанас Моральчыч с помощниками и «збили и зранили его, такъ ижъ дей самъ ледве здоровье свое отъ нихъ унеслъ» [Спрогис (сост.), 1901, с. 54]. Кровавые раны и следы избиения Лазаревич показал возному слонимского повета Станиславу Подлескому, от имени которого жалоба была внесена в судебные книги. Подлеский признал, что увидел страшные раны еврея, однако выражал некое сомнение по поводу столкновения с крестьянами Солтана и счел увечья следами нападения животных: «волам, которые жыда покололи» [Спрогис (сост.), 1901, с. 54]. Кроме Лазаревича никто не подавал сведений о драке и суд во главе с Яном Мелешко не вынес никакого приговора, тем не менее появились первые предпосылки будущих проблем.

Бытующие споры стремительно усугубились весной 1605 года, когда Иван Солтан явился к слонимскому суду, во главе которого, как и во все исследуемое нами время, находился Мелешко, с жалобой на Ицхака Михелевича и семь слонимских евреев, которые осенью 1604 года способствовали расширению моровой язвы по Жировичах и других селениях в имении Солтана [Спрогис (сост.), 1901, с. 58–60]. Еврейская община, получившая разрешение от Михелевича жить в его фольварке, навещала села близ Жировичей и приобретала у местных жителей «волы, яловицы,

⁶ Согласно самому древнему описанию истории Жировичей Т. Боровика, Солтан Александрович (крещенный как Александр Солтан) получил данное поместье на основе декрета Казимира IV, который умер летом 1492 года. Передача Жировичей Солтану так должна была состояться до этого года. Сам королевский декрет с конкретной датой не сохранился.

⁷ Продажная запись Ярослава Солтана Ивану Солтану на принадлежавшую ему часть Жировичского имения. *Санкт-Петербургский Институт Истории Российской Академии Наук [далее СПбИИ РАН]*. Колл. 52. Оп. 1. Д. 188. Л. 3.

козлы, медь, хмели» [Спрогис (сост.), 1901, с. 59]. Передвигаясь между селениями, евреи разносили заразу, от которой «вымерли целые дворы» [Спрогис (сост.), 1901, с. 59]. Исследование жалобы провел, как и прошлый раз, возной Станислав Подлеский в присутствии двух шляхтичей и Ивана Солтана. Вместе они посетили пострадавшие деревни и в каждой допрашивали крестьян по поводу поветрия. Заключение, сделанное Подлеским опять в присутствии свидетелей из рядов шляхты, обвиняло «только прыятелям Ицхаковымъ, которых онъ в дворъ (*Жировичский* – здесь и далее примечания автора) напущальъ» [Спрогис (сост.), 1901, с. 60]. Насколько являлось обвинение «приятель Ицхаковыхъ» в распространении морового поветрия истиной – сложно определить, но Иван Солтан не был единственным, у кого появился конфликт с Михелевичами.

В упомянутой выше жалобе Солтана на слонимских евреев находим заметку о смерти Станислава Томашевского и его жены Анны, в которой замешаны те же слонимские евреи и арендатор Ицхак. Данная история подробно описана в жалобе шляхтича Александра Короткого и его жены Софии Себастьяновны из 23 марта 1605 года [Спрогис (сост.), 1901, с. 56–58]. Короткий винит вдову Эстер Михелевич и ее покойного мужа в смерти своей дочери Анны, жены Томашевского: в августе 1604 года, когда слонимские евреи должны были распространять моровую язву, Михелевич и его знакомые прибыли в имение Томашевских, «безправне побили и пограбили» его, нанесли жителям побои и «Станислава и жону его выгнали и од тое все маетности ихъ отбили» [Спрогис (сост.), 1901, с. 56]. Томашевские в последующем скитались по соседним деревням и вскоре умерли от чумы. Заявление Короткого доказывает, что жалобы Солтана на Михелевичей нельзя считать единичным случаем, вытекающим из их сложных взаимоотношений и самого факта, что Солтану пришлось сдать часть своих владений в аренду еврею, чтобы поправить трудное финансовое положение.

Предшествовали ли насильственной смерти арендатора Жировичей еще другие столкновения, недошедшие до нас в источниках, неизвестно. Дошедшие до нас документы тем не менее позволяют проследить растущее напряжение в Жировичах и общее негодование поведением Михелевича, которое закончилось 6 января 1605 года его убийством. Изучая текст жалобы против Ивана Солтана, можно обнаружить, что вечером того дня Солтан при помощи своих слуг и подданных брата Давида напал на Жировичский фольварк. Ицхака «нелютостиве замордовалъ и тело того жыда на смерть забитое и окрутне замордоване з собою еси узяльъ» [Спрогис (сост.), 1901, с. 62], его брата Абрама Михелевича и слугу Андрея Щерского «окрутне побили и ранили» [Спрогис (сост.), 1901, с. 62]. После перечисления насильственных действий приведен подробный список имущества убитого еврея, которое Солтан в течение двух дней после убийства похищал и увозил в свой двор. Среди этих ценностей встречаются денежные средства, драгоценные камни, украшения, восточные специи, шелковые и меховые изделия, мебель, домашние животные и запасы зерна. Солтан также забрал арендный договор, заключенный с Михелевичем и другие документы. 22 февраля 1605 года Солтана и его жену вызвал на суд в Слоним канцлер литовский Лев Сапега, заседание должно было состояться 1 апреля [Спрогис (сост.), 1901, с. 60–61].

Сторону истца представлял Ян Нарушевич, ловчий и староста Хомска, откуда был родом покойный Михелевич. Основным доказательством вины служило условное

признание Солтана в убийстве, якобы записанное в книгах Волковысского суда от 19 марта 1605 года. Существование данной записи отрицал как Солтан, так и свидетель Якуб Михайлович Венцкович, который признался перед судом в убийстве Михелевича. Присяжные засомневались в личности Венцковича, назвавшего себя хорунжим Волковысского повета, сообщив, что «нихто дей тому не признаеть, абы тымъ былъ, яко се зоветъ» [Спрогис (сост.), 1901, с. 64] и его признание посчитали недостоверным.

Нарушевич далее вычислил общую сумму ущерба Эстер Михелевич и ее семьи: обвиняемым намечался штраф в размере 13 537 коп грошей⁸, и затребовал выдать их королевской милости. Наказание за убийство еврея для аристократа Солтана скорее всего ограничилось бы финансовым штрафом, но семья Михелевича обладала самыми редкими привилегиями: Абрам Михелевич предъявил декрет короля Сигизмунда I от 20 апреля 1525 года, в котором монарх пожаловал «мытнику еврею Михелю Езофовичу и всем его потомкам дворянское достоинство» [Бершадский (сост.), 1882, с. 125–127] и присвоил ему также личный герб. Потомки Езофовича, в том числе его внук Ицхак, носили дальше фамильное прозвище Михелевич [Минкина, 2014, с. 132] и являлись единственными евреями-аристократами за всю историю Речи Посполитой⁹. Суд подчеркнул, что Михелевич «жид с предков своих, есть учтивый шляхтич» и вел порядочную жизнь, благодаря которой не потерял дворянские права: «наследуючи справ шляхетских, не бавечисе шинком, ани которым ремеслом, также мереньем локтя, але бавечисе и мешкаючи под волностью шляхетскою именья людей зацных заставаю, а некоторые арендою держал и оных до живота своего уживал» [Спрогис (сост.), 1901, с. 70]. Убийство еврея, в свете данной грамоты, превратилось, в первую очередь, в убийство шляхтича, а уже после иудея.

Интересным можно назвать обстоятельство, что до момента слонимского процесса наличие дворянства у Михелевича не наблюдалось ни в каких связанных с ним документах, в том числе в договоре об аренде Жировичей или в предшествующих судебных разбирательствах. Заявление коллегии о приличной жизни Михелевича так же ощутимо отличалось от многочисленных жалоб местных жителей. К заявлениям Ивана Солтана и Александра Короткого весной 1605 года добавилась жалоба Яна Давидовича Волковича. Волкович обвинил Эстер и Абрама Михелевичей, что 26 апреля 1605 года напали в сопровождении других евреев – обвинённых уже в распространении моровой язвы – на фольварк отца Волковича в деревне Русаково. Михелевичи «окрутне и нелитостиве зъбивши и змордовавши пани матку Полонию Ходорковъну» [Спрогис (сост.), 1901, с. 137], которую увезли на колесах из двора Волковича в Жировичи, где ее «до окрутного везенья всадили, паствечысе надъ нею тыранско биючы, мордуючы, огнемъ палечы на смерть замордовали» [Спрогис (сост.),

⁸ В сумму штрафа вошло 12 000 коп, оплаченные Ицхакем за четыре года арендования Жировичей, неопределенная сумма за само убийство, далее 20 коп за побои, нанесенные Абраму Михелевичу, и пять коп за побитие слуги Андрея Щерского.

⁹ Михель Юзефович был единственным, кто получил дворянство, сохраняя при этом еврейскую религию. Остальные, в том числе брат Михеля Абрам, конвертировались к католичеству. Из всех евреев, которые могли оказаться в состоянии конфликта с Солтаном, только Михелевич и его родственники обладали одинаковыми правами.

1901, с. 138]. Тело матери Яна Волковича потом привезли обратно в Русаково и оставили лежать во дворе, что подтвердило множество свидетелей.

Даже обвинение в убийстве Полонии Ходорковны не отразилось в риторике суда, настаивавшего на приличной жизни Михелевича. Присяжные так же не учли факт, что среди документов, похищенных Солтаном после убийства Михелевича, находилось большое количество бланков и заполненных договоров о вымогательстве долгов и предоставлении денег. Доказательства ростовщичества могли не только нарушить образ нравственного и честного еврея, но и лишить Михелевича его дворянского титула, однако судебная коллегия решила не обращать на них внимания. В заключительном вердикте Мелешко одобрил сумму штрафа, но не удовлетворил требование Нарушевича в исполнении смертной казни для Ивана Солтана, ограничившись денежной компенсацией ущерба.

Обвиняемый, который после отказа учесть признание Венцковича в знак протеста вышел из зала, подал апелляцию к главному литовскому трибуналу в Минске. Причина, по которой Солтан отказался принять вердикт суда, который мог (*и должен был*) приговорить его к смерти, может крыться в слишком высокой сумме штрафа. По оценкам, проведенным слонимским судом, совокупность имущества Ивана и Кристины Солтанов оценивалась в 4671 копу литовских грошей, т. е. всего одну треть суммы, назначенной судебным вердиктом. Шансы расплатиться с вдовой Михелевича и отбить так свое наказание могли показаться крайне безнадежными, поэтому единственным выходом из ситуации было полностью признать невиновность Солтана.

Трибунал рассматривал дело 30 сентября 1605 года. Были заслушаны обе стороны, после чего комиссия назвала решение слонимского суда «слушным и правным» [Спрогис (сост.), 1901, с. 100–101] и подкорректировала его заключения следующим образом: признание Венцковича было окончательно отклонено, за Солтаном закрепился общий размер штрафа в 13 573 коп грошей и самого подсудимого приказали «на горло всказать» [Спрогис (сост.), 1901, с. 101]. Последняя часть наказания не была исполнена. У представителей власти было несколько возможностей арестовать Солтана и исполнить решение суда, в апреле 1606 года его снова вызывали в слонимский суд по причине неуплаты штрафа Эстер Михелевич. В то время шляхтич довольно спокойно продолжал жить в Жировичах, но не были предприняты никакие попытки его принуждено доставить на заседание. Как верно замечает А. Миронович, целью жировичского процесса было прежде всего лишить Солтана имущества и выгнать его из родовых владений [Mironowicz, 2021b, p. 85], смертная казнь бы не принесла пользу ни одной стороне, она оказалась ненужной. В начале 1606 года от имени короля Сигизмунда III был издан баницийный лист, лишаящий Солтана всех его шляхетских привилегий и запрещающий ему находиться на территории Речи Посполитой [Спрогис (сост.), 1901, с. 100]. Баницийные листы королевская канцелярия издавала по просьбам трибунала, что опять доказывает нежелание местной власти исполнить полное наказание над Солтаном и ее довольство текущей обстановкой.

Несмотря на прямой запрет проживать на территории Речи Посполитой, Солтан некоторое время еще находился в Жировичах. Летом 1606 года слонимский суд в очередной раз пересматривал дело Солтана: из-за неоплаты долга и нехватки средств,

позволяющих в скором будущем возместить ущерб, суд во главе с Мелешко решил все имущество Солтана со всеми вытекающими из него доходами передать «в мощь и держанье» вдове Ицхака Михелевича и его старшему сыну Михелю [Спрогис (сост.), 1901, с. 101]. Эстер Михелевич завладела в том числе Жировичским монастырем и его церковными доходами. По мнению А. Мироновича, новая хозяйка вела себя настолько жестоко с жителями церковного двора, что монахи в скором времени покинули монастырь [Mironowicz, 2021b, p. 86]. Источники не подтверждают теорию Мироновича, но, исходя из столкновений ее семьи с жителями Жировичей, грубое отношение вполне реально. Теодозий Боровик прослеживает короткий период до прихода униатов в 1613 году, когда монастырь пустовал и начал разрушаться [Borowik, 1622, p. B2r]. Однако содержание источников не позволяет определить, связан ли кризис с деяниями Эстер Михелевич или с относительной пренебрежительностью еретика Солтана, не желавшего поддерживать монастырскую жизнь, известную из сочинений Стебельского.

Рассматривая действия суда, стоит вернуться к мотивам Яна Мелешко. Какую пользу он получил от наказания Солтана и какие собственные цели он преследовал? Одной из мотивацией действий Мелешко могло являться улучшение собственного положения: во-первых, финансового; во-вторых, с точки зрения престижности и влияния. Мелешко, по всей вероятности, осознавал, что Солтан не способен расплатиться с Эстер Михелевич и она сама вряд ли сможет руководить таким большим имением. Возможно, он еще до окончательного решения суда планировал выкупить Жировичи и стать их владельцем. Расширение владений бы усилило его позицию среди местных магнатов, тем более Жировичи были известным центром паломничества. Слава Мелешко как их владельца бы распространялась вместе с культом местной чудотворной иконы и добавила бы ему исключительного положения защитника христианской веры. Наряду с личным обогащением надо учитывать возможные религиозные несогласия между православным Солтаном и униатом Мелешко, служившие главным аргументом А. Мироновича в его теории заговора против православного шляхтича. Как и многие другие представители видных аристократических семей в Великом княжестве Литовском, Ян Мелешко в молодости исповедал православие, но позже стал униатом. Момент перехода к другой конфессии прослеживается в источниках только косвенно и нельзя с точностью установить, был ли в течение процесса с Солтаном Мелешко православным, или уже грекокатоликом. П. Н. Жукович в начале XX века выдвинул гипотезу, что Мелешко принял униатство до 1603 года в связи с его учреждением на пост каштеляна мстиславского, которое гарантировало ему место королевского сенатора. Жукович утверждал, что тогдашний король Сигизмунд III не разрешал занимать посты сенаторов представителям православной и протестантской веры, лишь католикам и униатам [Жукович, 1912, с. 226]. Грамота, подтверждающая это заявление, нами не обнаружена и не существуют также косвенные заметки в иных источниках о ее существовании. Уже в конце XIX века Ф. Сиарчиньски успешно доказал, что несмотря на то, что король был благосклонен к католикам и униатам, места в сенате и других органах власти «занимали и конфессиональные диссиденты», т. е. православные и протестанты [Siarczyński, 1858, p. 367]. Возможно, Мелешко в начале XVII века уже исповедал униатство или проявлял

интерес к этой религии, но в источниках этот факт не сохранился. Первый документ, подтверждающий переход к униатству, относится только к 1610 году. Церковный текст М. Смотрицкого называет род Мелешко одной из самых драгоценных семей, ссокровищем, которое перешло из православия на униатство [Smotrycki, 1610, p. 15]. В каком именно году это случилось, точно установить не представляется возможным, вполне вероятно, что книга описывает события, имевшие дело несколько лет назад, что как раз соответствует периоду судебного процесса в отношении Ивана Солтана. Возглавляя суд в 1605–1606 годах, Мелешко уже мог быть униатом, в более поздней фазе разбирательств о судьбе Жировичей его принадлежность к грекокатолической церкви уже не вызывает сомнений. Желание отобрать у Солтана его имущество, прежде всего монастырь, таким образом, могло основываться не только на личной выгоде, но и в стремлении постепенно превратить Жировичи в центр униатской веры, чему бы православные Солтаны как минимум пытались препятствовать.

В руках еврейской семьи Жировичи пробыли недолго. В августе 1606 года Эстер Хемина отдала «Жировичы зо всими кгрунты, бояри и поддаными, зо всими пожитки и монастырь Жировицкий с церковью и з доходы церковными» [Спрогис (сост.), 1901, с. 102] Яну Мелешко и его жене Анне Фурс. В то же время вдова простила Солтанам смерть мужа, отказавшись в знак примирения от всех претензий против них. Такой внезапный поворот, вероятно, был связан со щедрой денежной компенсацией: штраф 13 573 грошей, который должен был выплатить Солтан, Эстер Михелевич получила от Мелешко [Спрогис (сост.), 1901, с. 102]. Официально перевод Жировичей был оформлен в продажном акте, заключенном между Мелешко и Иваном Солтаном 12 января 1609 года. В его тексте Солтаны от своего имени и имени всех своих потомков навсегда отказывались от наследственных прав на свое жировичское имение, в том числе на монастырь, в пользу семьи Мелешко¹⁰, Кристина Солтан еще отдельно выделила одну тысячу грошей из своего приданного и подарила ее Яну Элиасу с супругой, чтобы выразить благодарность за невыполнение над ними смертной казни и прощение оплаты недосыгаемой для них суммы штрафа¹¹. Супруги после этого переселились во владения Александра, младшего из братьев Солтанов, в Оршанском повете Витебского воеводства, где вероятно остались до своей смерти.

Таким образом, в 1609 году Мелешко приобрел все имущество Ивана Ивановича, но оставалась еще часть, принадлежащая потомкам его брата Давида. Сын вышеупомянутого Даниил Давидович отказался уступать позиции и сражался за сохранение прав на свои владения в Жировичах. Спор между Даниилом Солтаном и Яном Мелешко перерос в очередной судебный процесс, который с перерывами длился до 1621 года. Солтан перед судом неоднократно подчеркивал факт, что Мелешко откупил половину Жировичей «не от их настоящего владельца, которым был Ярослав Солтан, а только от его брата Ивана»¹², поэтому договор 1609 года нельзя считать действующим без подтверждения семьи Ярослава, которая конечно отказалась его

¹⁰ Выпись из Слонимских земских книг продажной записи, которой Иван Солтан уступил имение Жировичи с монастырем Ивану Мелешко. *СПБии РАН*. Архив. Колл. 52. Оп. 1. Д. 189. Л. 4.

¹¹ Выпись из Слонимских земских книг продажной записи, которой Иван Солтан уступил имение Жировичи с монастырем Ивану Мелешко. *СПБии РАН*. Архив. Колл. 52. Оп. 1. Д. 189. Л. 5.

¹² Рукопись, содержащая документы о Жировичском монастыре. *СПБии РАН*. Архив. Колл. 52. Оп. 1. Д. 190. Л. 2.

подтвердить. Несмотря на конфликт с потомками Давида Ивановича, Мелешко мог распоряжаться монастырем, который не входил в оспариваемое имущество. Всю его деятельность, после заключения договора с Иваном и Кристиной Солтанами, можно считать полностью легальной. 29 октября 1613 года по желанию Мелешко в Жировичах поселились базилианские монахи, чьей приход символизирует «начало исповедания достойной (*униатской*) конфессии на этом святом месте»¹³. 15 мая 1618 года Мелешко с супругой передали право патроната вместе «с деревянной и мурованной церковьями, монастырем и его фольварком»¹⁴ Йозафату Кунцевичу, который с 1613 года занимал место жировичского игумена. 26 июля 1620 года после десяти лет переговоров Даниил Солтан отрекся от своего наследственного права ктиторства над монастырем и передал его под опеку униатского киевского митрополита Иосифа Рутского. Летом следующего года Солтан продал свои участки Льву Сапеге, ввиду чего окончательно прервалась связь Солтанов с Жировичами. Последний шаг перехода комплекса в Жировичах под прямой контроль униатской церкви совершился в 1623 году, когда оформила передачу всего имущества и прав митрополиту Рутскому дочь Мелешко Богдана Яновна¹⁵.

Рассматривая заключение судебного дела, можно предположить, что убийство Михелевича не являлось внезапным актом агрессии одного человека (*Ивана Солтана*) и нельзя его интерпретировать в первую очередь как проявление ненависти в отношении еврейского населения, основанной на разнице в исповедуемой религии. После появления Ицхака в Жировичах наблюдается обострение взаимосвязей и рост напряжения из-за презрительного отношения и травли, исходящей со стороны нового арендатора. Источники не содержат прямых или косвенных доказательств антисемитизма, однако ненависть к евреям могла все-таки присутствовать как скрытая мотивация чтобы быстрее разделаться с Михелевичами и избавиться от проблемной семьи. Тексты жалоб на «приятелей Ицхаковых» тем не менее акцентируют только их жестокость, а не еврейское происхождение. Отсутствующие источники по более раннему периоду совместного проживания христиан и евреев в Жировичах не позволяют выяснить, испытывало ли местное население ненависть ко всем представителям еврейской общины, или только к родственникам Михелевича. Конфликт, начавшийся с мелких побоев и ссор, очень быстро перерос в открытое противостояние, которое привело к потоку насилия, разгромам фольварков, громким жалобам и в итоге унесла несколько жизней.

Следующий момент сложившейся историографической традиции, с которым нельзя согласиться – трактовка события как истории об одном виновном и одном пострадавшем. Против деятельности главы Михелевичей, как следует из сохраненных материалов слонимского суда, выступал не один Иван Солтан, вместе с ним выражали недовольство и другие шляхтичи и представители местной власти. Их жалобы доказывают, что в споре было заинтересовано больше, чем два человека, и что не только Иван Солтан требовал от коллегии присяжных срочного наказания Ицхака и его

¹³ Копии двух вкладных записей в Жировичскую церковь. *СПБИН РАН*. Архив. Кол. 52. Оп. 1. Д. 157. Л. 3.

¹⁴ Копия выписи из Слонимских городских книг, подтверждающая акта Ивана Мелешко передачи базилианским монахам Жировичского монастыря. *СПБИН РАН*. Архив. Кол. 52. Оп. 1. Д. 96. Л. 2.

¹⁵ Копии двух вкладных записей в Жировичскую церковь. *СПБИН РАН*. Архив. Кол. 52. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

родственников. Изучая сам факт насильственной смерти Михелевича, вина Солтана кажется оправданной, судя по источникам, именно он руководил нападением на Жировичи и нес ответственность за убийство их арендатора. Каковы причины, заставившие Ивана Ивановича убить Михелевича? Одной из них могла быть тяжелая финансовая ситуация семьи Ивана, на которую ссылается А. Миrowsич [Mirowsicz, 2021a, p. 85]. Убить Михелевича, чтобы разбогатеть и вернуть бывшее положение, однако, вызывает сомнения. Существует вероятность, что Солтан в связи с неодинаковым положением евреев в разных частях Речи Посполитой надеялся, что его поступок обойдется без наказания и он сможет разбогатеть на имуществе Михелевича¹⁶, однако возможность, что бы местная власть проигнорировала убийство, кажется маловероятной. В случае ограбления евреев суды не всегда тщательно вымогали возвращение долга и оставляли преступников без наказания, но убийство было уже слишком серьезным нарушением закона, чтобы полностью проигнорировать его. Даже без учета особого положения убитого в виде дворянского статуса, Солтану бы пришлось в любом случае за смерть еврея заплатить крупной штраф. Свое положение он бы таким образом никак не улучшил, и навредил бы прежде всего самому себе. По нашему мнению, следует учитывать в качестве причины убийства также общую обстановку в Жировичах и волны агрессии против местных жителей, не вызывающие никакой реакции слонимского суда. Солтана посчитали убийцей заслуженно, но нельзя упускать из виду агрессивное поведение Михелевичей.

Риторика суда в лице Яна Мелешко олицетворяет настоящее религиозные столкновение между православными и униатами. Присяжные, которые на протяжении нескольких лет не обращали внимание на всплеск насилия в Жировичах, где к тому времени уже умерла из-за нападения евреев семья Томашевских, мгновенно после убийства Михелевича приступили к анализу ситуации. Игнорирование фактов, описывающих семью Ицхака в негативном свете и доказывающих его ростовщичество с одной стороны, и резкое требование строгого наказания для Солтана с другой, не свидетельствует об истинном желании добиться справедливости. Из решений суда читается прежде всего желание лишить Солтана имущества и получить его владения в Жировичах. Несмотря на то, что Солтан был в соответствии с законом приговорен минским трибуналом к смерти, слонимский суд этот вердикт не исполнил, аргументируя тем, что шляхтич сбежал и никто не знает его местонахождение. Данное заявление не совпадает с содержанием источников: Ивана и его жену несколько раз вызывали на суд, чтобы выяснить, почему они до сих пор не оплатили штраф Эстер Михелевич. Судебные документы были всегда приколоты к воротам фольварка Солтанов, где они в это время находились, но суд не принял никаких иных попыток до них добраться и навести порядок. Их «вялая» работа говорит о не особом желании наказать Солтана, давление на его семью совсем прекратилось после передачи владений вдове Михелевича. Пусть имущество Солтана представляло лишь около 30% общей суммы штрафа, суд дальше не стал вымогать оставшуюся часть, потому что добился своего – Солтан отказался от своих прав и владений. Старания Мелешко,

¹⁶ Жировичи представляли собой частное имущество шляхты, из-за чего местное еврейское население находилось под их властью, тем не менее их права формировались также на основе постановлений сейма, сеймиков, и других органов власти.

который, хоть и с небольшим промежутком, когда Жировичи держала еврейка Эстер, приобрел имущество осужденного им человека, прошла без внимания локальной власти, кроме потомков Давида Солтана ее никто не оспаривал, что намекает на возможный сговор. В акте передачи монастыря митрополиту Рутскому Богдана Яновна уже не припоминает эпизод с Михелевичами и говорит о мирном договоре о продаже между ее отцом и Иваном Солтаном¹⁷. Произведение Т. Боровика 1622 года умалчивает не только о судьбе Ицхака, но также о личности Солтана [Bogowik, 1620, р. B2v].

Призвание униатов в Жировичи и обращение монастыря к грекокатолической церкви повторяет судьбу других православных монастырей на территории современной Беларуси. Вслед за Жировичами униаты завладели монастырями в Гродно, Кобрину и Супрасле. Как и в случае Жировичей, обращение к униатству здесь проходило постепенно, часто в сопровождении скандалов и несогласий. Пример Жировичей уникален тем, что катализатором действий служило убийство еврея, позволяющее отнять монастырь у аристократической семьи, которой он принадлежал с конца XV века. Вполне основано можно заявить, что Жировичи бы в XVII веке так или иначе стали грекокатолическими, вне зависимости от убийства Ицхака Михелевича Солтаном, его смерть лишь ускорила этот процесс. Подводя итоги судебного дела над Солтаном, можно заявить, что это событие отражает мультиэтничность и поликонфессиональность общества Великого княжества Литовского и показывает на примере одного конфликта всю сложность и полноту отношений между представителями разных сословий, вероисповеданий и этнической принадлежности в сельской местности Речи Посполитой, в которой нет однозначно положительных или отрицательных актеров.

Информация о статье

Данная статья выполнена при поддержке Грантовой академии Чешской Республики (GAČR) в рамках проекта The Rites of Reverence: Roman Coronations of Miraculous Images as Means of Cultural Translation in East-Central Europe (GA22-04023S).

Автор: Выслоужилова Дагмар Любомировна – аспирант, научный сотрудник Института истории Университета имени Масарика, Брно, Чехия; ORCID: 0000-0002-0822-7782; e-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

Заголовок: Убийство Ицхака Михелевича в свете религиозно-политических событий Речи Посполитой начала XVII века

Аннотация. Сложившаяся историографическая традиция рассматривает дело об убийстве арендатора фольварка в Жировичах Ицхака Михелевича как очередной пример антисемитизма на территории Речи Посполитой в первой половине XVII века. Анализ этого события сквозь шаблонную призму антиеврейских настроений приводит к очевидному заключению: единственным пострадавшим являлся богатый еврей и главным преступником – его убийца, обедневший шляхтич Иван Иванович Солтан. В данной статье автор исследует конфликт Солтана с Михелевичем в более широком контексте религиозно-политических событий в Великом княжестве Литовском и доказывает, что в данной истории нет однозначно положительных или отрицательных актеров. Исходя из документов Слонимского городского суда, автор приходит к заключению, что дело Солтана представляет собой не только личный спор между двумя лицами, но прежде всего результат общих конфессиональных разногласий и процессов, начавшихся после заключения Брестской церковной унии в 1596 году.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Жировичский монастырь, Солтаны, Мелешко, антисемитизм, Брестская уния

---

¹⁷ Копии двух вкладных записей в Жировичскую церковь. *СПБИН РАН*. Архив. Кол. 52. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

Библиографический список

- Бершадский С. А. (сост.) (1882) *Русско-еврейский архив. Т. 1. Документы и регесты к истории литовских евреев (1388–1550)*. СПб: Изд. о-ва распространения просвещения между евреями в России. 379 с.
- Бубнов П. В. (2018) История изучения прошлого Свято-Успенского Жировичского монастыря. *Церковно-исторический альманах «ХРОНОС»*. № 6. С. 73–97.
- Бубнов П. В. (2021) Датировка явлений Жировичской иконы Божией Матери, начала церковной и монастырской жизни в Жировичах в исторических произведениях XIX–XX вв. *Церковно-исторический альманах «ХРОНОС»*. № 9. С. 47–60.
- Жукович П. Н. (1912) Неизданное русское сказание о Жировицкой иконе Божией Матери. *Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. 1912. Т. XVII. Кн. 2. С. 175–245*.
- Иловайский Д. И. (1894) *Смутное время Московского государства: окончание истории России при первой династии*. М.: Тип. М. Г. Волчанинова. 375 с.
- Лазарева, Д. И. (1996) Ранние этапы истории Жировичского монастыря по письменным источникам. *Vesník Belaruskaga dzaržajnağa un-ta. Ser. 3. № 1. С. 6–9*.
- Минкина О. Ю. (2014) «Сыны Рахили». *Еврейские депутаты в Российской империи. 1772–1825*. М.: НЛО. 344 с. СПбИИ РАН. Архив. Кол. 52. Оп. 1. Д. 96, Д. 157, Д. 188, Д. 189, Д. 190.
- Спрогис И. Я. (сост) (1901) *Акты Виленской археографической комиссии. Том XXVIII. Акты о евреях*. Вильна: Тип. Русский Почин. 496 с.
- Шпирт А. М. (2018) Жить и умирать в деревне. Запрещенное и дозволенное в отношениях между евреями и крестьянами в Речи Посполитой в середине XVII в. *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия*. № 1. С. 92–114.
- Borowik T. (1622) *Historia abo powieść zgodliwa przez pewne podanie ludzi wiary godnych o obrazie przeczystey Panny Mariey żyrowickim cvdotwornym*. Vilnae: Typic Academicis, 62 p.
- Chomik P. (2003) *Kult ikon Matki Bożej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI–XVIII wieku*. Białystok: Wyd. Historyczno-Socjologiczny Uniwersytetu w Białymstoku. 291 p.
- Jętkiewicz T. (1730) *Aquila grandis magnarum alarum: in Zyroviciana solitudine nidificans, sub corona renascens Beatissima Virgo Maria*. Supraslij: Typis Ord: Divi Basilij Magni. 128 p.
- Kojałowicz A. W. (1650) *Miscellanea Rerum Ad Statum Ecclesiasticum In Magno Lituaniae Ducatu pertinentium*. Vilnae: Typic Academicis. 140 p.
- Kulczyński I. (1732) *Il Diaspro Prodigioso Di tre Colori ovvero Narrazione istorica Delle tre Imagini Miracolose della Beata Vergine Maria*. Romae: Ex Typographia Ansillion in Via Coralii. 254 p.
- Mironowicz A. (2021a) Przejęcie żyrowickiego sanktuarium przez unitów. *Latopisy Akademii Supraskiej*. № 12. pp. 375–391.
- Mironowicz A. (2021b) *Z dziejów żyrowickiego sanktuarium. Vol. 1, Lata 1470-1618*. Białystok: Pracownia Historii Europy Środkowo-Wschodniej Uniwersytetu w Białymstoku. 134 s.
- Mironowicz A. (2022) O początkach żyrowickiego sanktuarium. *Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne*. № 119. pp. 281–311.
- Siarczyński F. (1858) *Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego. T. 2*. Poznań: N. Kamieński i Spółka. 405 p.
- Smotrycki M. (1610) *Threnos To iest Lament iedyney ś. Powszechney Apostolskiej Wschodniej Cerkwie, z objaśnieniem Dogmat Wiary*. Wilno: Typic Academicis. 219 p.
- Stebelski, I. (1878) O Prześwietnej Familii JMśó PP. Sołtanów Fundatorów i Kolatorów. *Scriptores Rerum Polonicarum. T. IV. Archiwum Komisji Historycznej. T. 1. Kraków: Akademia umiejętności*. Pp. 373–394.
- Teter M. (2005) *Jews and Heretics in Catholic Poland. A Beleaguered Church in the Post-Reformation Era*. New York: Cambridge University Press, 2005. 272 p.

Information about the article

This article was supported by the Czech Science Foundation (GAČR) within the project “The Rites of Reverence: Roman Coronations of Miraculous Images as Means of Cultural Translation in East-Central Europe” (GA22-04023S).

Author: Dagmar Vysloužilová – PhD. student, researcher at the Department of History, Masaryk University, Brno, Czech Republic; ORCID: 0000-0002-0822-7782, Web of Science Researcher ID: GRO-1511-2022; e-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

Title: Murder of Itzhak Michelewicz in Context of Religious and Political Events of the Polish-Lithuanian Commonwealth in Early 17th Century

Abstract. The established historiographical tradition considers the question of the violent death of Itzhak Michelewicz, a tenant of the estate in Zhirovichy, as yet another example of anti-Semitism on the territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the first half of the 17th century. Analysing this event through the stereotypical prism of anti-Jewish sentiment leads to the obvious conclusion: the only victim was a wealthy Jew, while the main culprit was his murderer, the impoverished nobleman Ivan Ivanovich Soltan. Proving that there are neither completely innocent victims nor pure-blooded villains in this case, the author examines the conflict between Soltan and Michelewicz in the wider context of political and religious events in the Grand Duchy of Lithuania. Based on the documents of the Slonim City Court, the author concludes that the Soltan trial was not only a private dispute between two individuals. It was primarily the result of general confessional disagreements and processes that began after the conclusion of the Union of Brest in 1596.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, Zhirovichy Monastery, Soltan family, Mielezsko family, antisemitism, Union of Brest

References

- Bershadskiy S. A. (ed.) (1882) *Russko-yevreyskiy arkhiv. T. 1. Dokumenty i regesty k istorii litovskikh yevreyev (1388–1550)* [Russian-Jewish Archive. T. 1. Documents and Regests on the History of Lithuanian Jews (1388–1550)]. Saint Petersburg: Obeshchstvo rasprostraneniya prosveshcheniya mezhdru yevreyami v Rossii Publ. 379 p. (in Russian).
- Borowik T. (1622) *Historia abo powieść zgodliwa przez pewne podanie ludzi wiary godnych o obrazie przeczystey Panny Mariey zyrowickim cvdotwornym* [A story or a Novel Confirmed by Certain Statements of Credible People about the Miraculous Image of the Most Pure Virgin Mary in Zhirovichy]. Vilnius: Typic Academicis. 62 p. (in Polish).
- Bubnov P. V. (2018) *Istoriya izucheniya proshlogo Svyato-Uspenskogo Zhirovichskogo monastyrya* [History of the Study of the Past of the Zhirovichy Holy Dormition Monastery]. *Tserkovno-istoricheskiy al'manakh "KRONOS"* [Church-historical almanac "CHRONOS".] Vol. 6. Pp. 73–97. (in Russian).
- Bubnov P. V. (2021) *Datirovka yavleniy Zhirovichskoy ikony Bozhiiyey Materi, nachala tserkovnoy i monastyrskoy zhizni v Zhirovichakh v istoricheskikh proizvedeniyakh XIX–XX vv.* [Dating of the Appearances of the Zhirovichy Icon of the Mother of God, the Beginning of Church and Monastic Life in Zhirovichy in Historical Works of the 19th–20th Centuries]. *Tserkovno-istoricheskiy al'manakh "KRONOS"* [Church-historical almanac "CHRONOS".] Vol. 9. Pp. 47–60. (in Russian).
- Chomik P. (2003) *Kult ikon Matki Bożej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI–XVIII wieku* [The Cult of Icons of the Mother of God in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th–18th Centuries]. Białystok: Wyd. Historyczno-Socjologiczny Uniwersytetu w Białymstoku. 291 p. (in Polish).
- Ilovayskiy D. I. (1894) *Smutnoye vremya Moskovskogo gosudarstva: okonchaniye istorii Rossii pri pervoy dinastii* [The Time of Troubles of the Muscovite State: the End of the History of Russia under the First Dynasty]. Moscow: M. G. Volchaginov Publ. 375 p. (in Russian).
- Jętkiewicz T. (1730) *Aquila grandis magnarum alarum: in Zyroviciana solitudine nidificans, sub corona renascens Beatissima Virgo Maria* [Great Eagle with Giant Wings: Nestling in the Zhirovichy's Desert, is Reborn under the Crown of the Blessed Virgin Mary]. Suprasl: Typis Ord: Divi Basilij Magni. 128 p. (in Latin).
- Kojałowicz A. W. (1650) *Miscellanea Rerum Ad Statum Ecclesiasticum In Magno Lituaniae Ducatu pertinentium* [Miscellaneous Matters Pertaining to the Ecclesiastical State in the Great Duchy of Lithuania]. Vilnius: Typic Academicis. 140 p. (in Latin).
- Kulczyński I. (1732) *Il Diaspro Prodigioso Di tre Colori ovvero Narrazione istorica Delle tre Imagini Miracolose della Beata Vergine Maria* [Miraculous Tricolor Jasper, or the Historical Narrative of the Three Miraculous Images of the Blessed Virgin Mary]. Romae: Ex Typographia Ansillion in Via Corallii. 254 p. (in Italian).
- Lazareva D. I. (1996) *Ranniye etapy istorii Zhirovichskogo monastyrya po pis'mennym istochnikam.* [Early Episodes of History of the Zhirovichy Monastery in Written Sources]. *Vesnik Belaruskaga dzarzhajūnaga un-ta. Ser. 3.* [Bulletin of the Belorussian State University. Series 3]. Vol. 7. Pp. 6–9. (in Russian).
- Minkina O. Yu. (2014) *"Syny Rakhili". Yevreyskiye deputaty v Rossiyskoy imperii. 1772–1825.* ["Sons of Rachel". Jewish Deputies in the Russian Empire. 1772–1825]. Moscow: NLO Publ. 344 p. (in Russian).
- Mironowicz A. (2021a) *Przejęcie żyrowickiego sanktuarium przez unitów* [Takeover of the Zhirovichy Sanctuary by the Uniate]. *Latopisy Akademii Supraskiej* [Chronicles of the Suprasl Academy]. Vol. 12. Pp. 375–391. (in Polish).
- Mironowicz A. (2021b) *Z dziejów żyrowickiego sanktuarium. Vol. 1, Lata 1470–1618* [From the History of the Zhirovichy Sanctuary. Vol. 1, The Years 1470–1618]. Białystok: Pracownia Historii Europy Środkowo-Wschodniej Uniwersytetu w Białymstoku. 134 p. (in Polish).
- Mironowicz A. (2022) *O początkach żyrowickiego sanktuarium* [The Beginning of the Zhirovichy Sanctuary]. *Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne* [Archives, Libraries and Church Museums]. Vol. 119. Pp. 281–311. (in Polish).

- Shpirt A. M. (2018) Zhit' i umirat' v derevne. Zapreshchennoye i dozvolennoye v otnosheniyakh mezhdru yevreyami i krest'yanami v Rechi Pospolitoj v XVII v. [Live and Die in the Village. Forbidden and Allowed in the Relations between Jews and Peasants in the Eastern Part of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the half of 17th century]. *Kul'tura slavyan i kul'tura yevreyev: dialog, skhodstva, razlichiya* [The culture of the Slavs and the culture of the Jews: dialogue, similarities, differences]. Vol. 1. Pp. 92–114. (in Russian).
- Siarczyński F. (1858) *Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego. T. 2.* [Image of the Age of the Reign of Sigismund III, King of Poland and Sweden. Vol. 2.] Poznań: N. Kamieński i Spółka Publ. 405 p. (in Polish).
- Smotrycki M. (1610) *Threnos To jest Lament iedyney ś. Powszechney Apostolskiej Wschodniey Cerkwie, z objaśnieniem Dogmat Wiary* [Threnos This is the Lament of the Only Holy Universal Apostolic Eastern Churches, with an Explanation of the Dogma of the Faith]. Wilno: Typic Academicis. 219 p. (in Polish).
- SPBII RAN [Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. F. 52. No. 96, 157, 188, 189, 190.
- Stebelski I. (1878) O Prześwietnej Familii JMśó PP. Sołtanów Fundatorów i Kolatorów [About the Splendid Family of their Grace, the Lords Soltans, Founders and Collaborators]. *Scriptores Rerum Polonicarum. T. IV. Archiwum Komisji Historycznej.* [Writers of Polish matters. Vol. 4. Archive of the Historical Committee]. T. 1. Kraków: Akademia umiejętności Publ. Pp. 373–394. (in Polish).
- Strogis I. A. (ed.) (1901) *Akty Vilenskoj arkheograficheskoj komissii. Tom XXVIII. Akty o yevreyakh.* [Acts of the Vilna Archaeographic Commission. Volume XXVIII. Acts on the Jews]. Vilnius: Russkiy Pochin Publ. 496 p. (in Russian).
- Teter M. (2005) *Jews and Heretics in Catholic Poland. A Beleaguered Church in the Post-Reformation Era.* New York: Cambridge University Press, 2005. 272 p.
- Zhukovich P. N. (1912) Neizdannoye russkoye skazaniye o Zhirovitskoy ikone Bozhiyey Materi [Unpublished Russian Legend about the Zhirovichy Icon of the Mother of God]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoy Akademii Nauk. 1912. Vol. XVII. Book 2.* [News of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. 1912. T. XVII. Book. 2]. Pp. 175–245. (in Russian).

Для цитирования статьи:

Выслоужилова Д. Л. Убийство Ицхака Михелевича в свете религиозно-политических событий Речи Посполитой начала XVII века. *Caurus*. 2023. Т. 2. № 2. С. 42–56. DOI: 10.34680/Caurus-2023-2(2)-42–56

For citation:

Vysloužilová D. Murder of Itzhak Michelewicz in Context of Religious and Political Events of the Polish-Lithuanian Commonwealth in Early 17th Century. *Caurus*. 2023. Vol. 2(2). P. 42–56. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2023-2(2)-42–56